

ГОСПОДИН-МОНСТР: ЗАМЕТКИ ПО АНТРОПОЛОГИИ ВЛАСТИ

В.А. Подорога
Институт философии РАН

Аннотация: Автор статьи размышляет об антропологических аспектах российской власти. Антропология власти — это один из уровней исследования властных отношений в обществе, включающий анализ сексуальности, телесности, эстетики власти и др. аспекты. По мнению автора, к середине 90-х гг. XX в. в России сформировалась фигура нового сакрализованного властителя — Господина-монстра, победителя мужского и женского начал, гротескного Господина с идентичностью Слуги и опирающегося на традиционные приёмы отечественной власти — тайну, чудо, авторитет.

Ключевые слова: антропология власти, Господин-монстр, эротика власти, телесность власти, эстетика власти, сакрализация власти.

«...Из могилы убиенной во Франции монархии поднялся огромный, страшный, бесформенный призрак с лицом более Ужасным, чем может представить себе любое воображение, и сломил дух человеческий. Идущий прямо к цели, не боящийся опасности, не подверженный угрызениям совести, презирающий все общепризнанные истины и здравый смысл, этот отвратительный фантом поразил даже тех, кто и поверить не мог в возможность его существования...»
Эдмунд Берк. Размышления о революции во Франции

Что такое антропология власти?

1. Антропологические аспекты власти, — каковы они? Власть фасцинирует, завораживает, известна иконографическая традиция, которая учила видеть вокруг голов святых мучеников, великих тиранов и королей нечто подобное нимбу («световое сияние»). Сакральность и магия правителя простирается далеко. Власти никогда не много, в этом её всем известная и пошлая тайна. Более того, власти должно быть *больше*. Власть — это всегда *более* власти. Правда, это разрушает саму власть, поскольку получая больше возможностей, чем она на это имеет прав, и, отделяясь от тех, кем правит, становится недоступной... и производит беззаконие во всё больших масштабах, вступая в опасную игру саморазрушения. Нет ни одного при-

мера в мировой политической истории, где бы власть, уверяясь в своей полной безнаказанности, не уничтожила, в конечном итоге, саму себя, нанося трудно заживаемые раны обществу. Единоличная, ничем ограниченная власть сегодня — нонсенс, в худшем случае, это вид социальной патологии.

Основная функция власти — вспомогательная, она должна поддерживать управляемость общества и государства, защищать права и свободы граждан, нравственные и культурные ценности, она — творец гражданского мира, *peace maker*.

2. Общество и все его государственные институты, если оно нормально развивается, должно находиться в состоянии постоянного тестирования. Тестировать — это не только проверять власть по критериям юридически-правовой законности принятых решений и нравственных обязательств, но и предостерегать от опасностей, которые ей грозят, если злоупотребления с её стороны будут продолжаться. Конечно, тестирование власти в современных масс-медиа и в Сети идёт постоянно, а сегодня с ранее невиданной активностью (рейтинги и разного рода социологические выборки, передача информации о событиях, обмен мнениями и комментариями). Правда, это тестирование носит не психологический характер, в основном — это попытка контроля со стороны общества за качеством принимаемых властью решений.

Антропология власти — это один из уровней исследования властных отношений в обществе, тестирование условий, при которых власть воспроизводит себя.

3. Когда же наметилось отставание (политического режима) власти от процессов, ведущих к рождению гражданского общества в России? Прежде всего, неудачная политика национальной памяти, её грубая фальсификация и идеологизация, даже попытка ею управлять. Что этому способствовало? Просмотрим бегло некоторые из причин.

Отрицательный опыт 1993–1996 годов в последующие годы с некоторым повышением уровня жизни и временной стабилизацией с поразительной быстротой вытесняется из социальной памяти. Общая масса населения, отброшенная на уровень примитивного выживания, — территория национального бедствия, — впала в историческое беспомыслие, как только уровень благосостояния немного поднялся. Эту краткую память национальной истории как отшибло, она замещается сегодня нелепой и оскорбительной для бесчисленных жертв прежних режимов ностальгией по советскому, вытеснением боли и ложью правящих. Все уже забыли, что ещё недавно были жертвами разбоя, оскорблений, недоедания и нищеты, свидетелями войн, кровавых разборок и убийств. А ведь прошло всего пара десятилетий. То время цинично называют «глобальной техногенной катастрофой», хотя на самом деле, оно оказалось фатальным следствием всё той же людоедской сталинской политики, безнадежно затратной и нелепой, тут же потерявшей свою эффективность, как только лишилась возможности прибегать к средствам прямого насилия. Не забыть бы и то, что это было время «выживания», время *после ГУЛАГа*. В нём не оказалось выбора между добром и злом, добро стало воспринимается *относительно*, и только в одной сравнительной шкале с абсолютным злом. Как следствие — покорность, неверие, апатия масс и известная готовность служить новому господину. Верховной властью было возглашено кредо нигилистического «здравого смысла»: за всяким проявлением добра ищи его постоянно действующую причину — абсолютное Зло.

4. В период 2000-х годов дальнейший распад советской политической системы был остановлен, теперь развитие общества пошло в обратном от перестроечной утопии направлении, хотя процессы либерализации ещё какое-то время длились. Тут же возродилась и окрепла старая бюрократическая форма государственного устройства, но уже на основе других ресурсов. Началось повторное распределение собственности, среди пришедшей к власти группировки. По сути дела вся энергия новой элиты была затрачена на создание особого феномена господства — авторизация власти и отказ от ответственности за принятие решений. На пике новой политики господства — правитель, или точнее, «олигарх олигархов», обладающий абсолютным правом на принятие решений. И это право таково, что решение, какое бы

оно ни было, и кого бы оно ни касалось, принимает только он один, как если бы статус «народный избранник» позволяет ему пренебрегать общественной волей. Авторитарное сознание вдруг становится неким условием «правильного» понимания высшей власти (усиливается патернализм, — правитель начинает проявлять «отцовские» чувства к собственному народу, природе и местной фауне). Чем больше власть наделяет себя новыми полномочиями и возможностями, отгораживается от тех, кем правит, я бы даже сказал «очеловечивается», тем меньше она способна перераспределяться, т. е. находится в процессах социального обмена. И как итог: власть перестаёт быть легитимной, она нарушает основные статьи общественно-го Договора, но это не мешает ей.

И главное — все этапы развития российского общества-государства надо рассматривать с учётом стагнации, отступления на прежние позиции: шаг вперёд, два шага назад, а то и три, и четыре. А это значит, что традиционные механизмы властвования легко восстанавливаются и бессознательно усваиваются правителями как единственное искусство управления: «византийская» техника, приёмы, стиль.

5. Даже вполне условное «благополучие» последних лет не смогло устранить страх перед фигурой нового Господина, кому народное сознание вменяет вину за всё случившееся, но и требует от него покровительства и любви. Это собирательный образ, состоящий из смешения известных отрицательных масок, столь же ненавистных, сколь и близких народному сознанию постперестроечной эпохи. Это прототип абсолютного национального Зла/Добра, — это Господин-монстр¹. Как удачно замечает М. Фуко: приходит день, когда «противоестественное беззаконие попирает юридический порядок и появляется монстр». В нормальном «здоровом» обществе подобные силы зла и беззакония обычно подавлены и оттеснены на периферию. Прототип включает в себя неопределимое многообразие человеческих реакций и страданий, надежд и страхов. Поставщики образов нового Господина — новости ТВ и других массмедиа: «Криминальный Петербург», «Бригада», «Бумер» в единстве с другими образами столь же депрессивными, окрашенный эротикой садизма и зверства (чеченскими войнами, террором, «взрывами домов», «Дубровкой» и «Бесланом») захватом национальных богатств, с ежедневными примерами насилия. Произошла обвальная феодализация общества, было покончено с конкуренцией и равенством прав, новая идея ранга, выраженная в характере ответственности и происхождения доходов, — мы получили совершенно новые масштабы монструозности. С одной стороны, прослойка новых господ, — идеальный Господин-монстр, с другой, — бесполое, частично подвергнутое кастрации, население, находящееся в услужении, демонстрирующая покорность и неучастие. Соппротивление подавлено, оно не нашло собственных ресурсов, независимых от тех, которые находятся в распоряжении Господина-монстра. Значение сохранения украденного, отнятого, сворованного неизмеримо возросла.

¹ Такими образами-прототипами тиранической власти пользовались многие, назову Э. Юнгера К. Шмитта, Э. Канетти, Б. Брехта, С. Эйзенштейна. Например, Юнгер выводит на историческую сцену Германии 20–30 годов образ Рабочего, *Der Arbeiter*, — завершённый гештальт нового опыта мирового господства (надо заметить, что он не имеет прямого отношения к марксистскому классу-гегемону). Всякий раз, как только происходят аномальные, катастрофически быстрые изменения в обществе, спонтанно, будто бы из ничего возникает фигура смысла, на основе которой складывается образ исторического субъекта. Маски его разнообразны, но их не так много. Новый гештальт господства определён той сверхчеловеческой волей, которой желают наделить его «широкие народные массы», чтобы покончить с хаосом и поражением Веймаровской республики. Неопределённое и двусмысленное бюргерство буржуазного человека должно быть замещено новым типом, типом *Рабочего-Воина*.

До прихода нацистов к власти на экраны Германии в массовом порядке стали выходить фильмы, переполненные образами невероятных по жестокости и бессмысленности преступлений (главные герои экспрессионистского кино — вампиры, безумцы, садисты, тираны). Это фильмы: Ф.-В. Мурнау «Носферату» (1923), Ф. Ланга «Калигари» (1920) и «Доктор Мабузе, игрок» (1921), позднее «Завещание доктора Мабузе» (1932), фильм П. Лени «Музей восковых фигур», включавший в себя рассказы о великих тиранах-убийцах Гарун аль Рашиде, Иване Грозном, Джеке-потрошителе. Эстетизация будущего немецкого вождя, шла с громадным успехом: место для него было выделено, хотя и пустует, но скоро всеми желаемая и наиболее подходящая фигура Господина-монстра займёт его [Кракауэр 1977: 83–93].

Поэтому личной охраны мало, нужно ещё иметь и целый ряд дополнительных гарантий безопасности, лучше государственных (поэтому Господин-монстр — ничто без чиновника как вспомогательного социотипа, его Двойника и Партнёра). Класс старых партократов-чиновников создал все условия для порождения монструозной (киллерской) политики и, следовательно, для появления Господина-монстра².

Физиогномика прототипа

6. Если ты жив, выжил и живёшь так же, как многие миллионы твоих сограждан, то это всё-таки не значит, что прошлое ушло, что его можно стереть из памяти и забыть. Мы должны узнать лучше этого Господина-монстра и ту монструозность, которые он так упорно демонстрировал нам в течение 90-х годов, в котором проявились и вполне целенаправленно силы ненависти, презрения, наживы, подлости и предательства.

Господин-монстр — это собирательный образ, состоящий из смешения известных политических масок (ненавистных народному сознанию 90-х годов), но ни одна из них не станет единственной. Речь идёт даже не о маске, а о некоем образе действия, приписываемом монструозному прототипу. В нормальном, «здоровом» обществе силы абсолютного Зла жёстко контролируются, они оттеснены на периферию, маргинализированы, подавлены. Их крайняя опасность для общества в том, что это силы чисто стихийные, лишённые разума, собственной воли и цели, они действуют с непогрешимостью серийного маньяка или убийцы-сомнамбулы, т. е. совершенно в автоматическом режиме (так действует сегодня опытный киллер, хладнокровно устраняющий жертву контрольным выстрелом в голову; так действует некий безымянный и всеобщий «Мавроди» — строитель великих пирамид; так действуют адвокаты ОПГ и чёрные копатели, чёрные риэлторы, чёрные рэйдеры, захватывая «чужое» с ведома и по прямой поддержке чиновников и судей). Образовался класс, сформировавший этот новый народный гештальт, и не дающий уйти ему со сцены новых десятилетий. Прототипом постсоветского Господина-монстра является криминальный тип, *Homo criminalis*³.

М/Ж. Гендерные аспекты власти

7. Мужское стало одним из первичных объектов насилия (в том числе и сексуального). Женское не потерпело поражения, напротив, выиграло, перешло из одного страта в другой и главное сравнялось с мужским по возможностям доступа к ресурсам власти. Можно сказать, Ж. выиграло в новой ситуации: роль женщины резко возросла на службе нового Господина: она любовница, confidentка-советчица, менеджер и аналитик, она действительно, намного лучший слуга, нежели ленивый и тупой, самонадеянный и агрессивный мужской тип, ориентирующийся на старые нормы полового превосходства. Женщина существо глубоко витальное, ей не свойственна тяга к смерти («подвигу», «игре в риск», «желания насилия»), которые так близки мужской особи. После разрушения Эдипа (культы отцовства) и отказа от

² Нужно ли приводить статистические выборки по уголовной преступности 90-х (характер, «тяжесть», количество), по демографическим, экологическим, экономическим данным (смертность, безработица, обнищание населения)? Не думаю, всё и так очевидно. Господин-монстр появляется на сломе эпох, он лишь итог того, что произошло и чему объяснения нет, — вот что порождает пандемию страха и отчаяния, но и надежду на лучшее, требует терпения и лояльности: «Сейчас так плохо, потому что дальше будет лучше, намного лучше». Господин-монстр всегда в двух лицах: с одним, отрицает Закон, он — Анархист, Актёр, Король-Олень, с другим, он — строгий, но справедливый Отец, сберегающий свой народ, хранитель духовных традиций и ценностей, и даже Монах, не чуждый аскетическому образу жизни (чьё «наслаждение властью» стало государственной тайной).

³ В сущности, Ч. Ломброзо был первым, кто попытался на основе тогда неполных, конечно, статистических данных свести вместе преступление, преступника и вырождение (монструозность), чему как норме последующая уголовная юстиция и психиатрии достаточно долго придерживались [Ломброзо 2005: 151–222].

фрейдистской схемы освобождения, подошло время полного разрушения семьи и брака. Корпоративный капитализм, все эти фирмы-феоды, где устанавливаются «особые» правила жить, потреблять, служить, любить и подчиняться, и в центре этого малого большого мира — всё тот же Господин-монстр. Мужской пол (это великое когда-то М.) — больше не центр вселенной, не господин над природой, ни над Ж.; мужское унижено и почти истреблено; оно стало охранником-при (адвокатом, сторожем, личным слугой, менеджером и телохранителем), но намного чаще — «опущенным», «неудачником», «проигравшим», «убитым» и «лишним», просто бомжем.

Нынешняя нонкультура разыгрывает перед нами чувственно-половое разнообразие возможностей, какими стал располагать Господин-монстр. Новая ортодоксия сексуальности, браки и гражданское партнерство между гомосексуалами и лесбиянками, трансвеститами и изменившими пол, симулянтами и визионерами, наркоманами и бомжами те, кто стал женщинами и те, кто стал мужчинами — все они фантазируют новое чувство жизни и новую свободу сексуальной чувственности. Сексуальность теперь классово неразличима, она корпоративна. Насколько этот Господин-монстр не обладает никакой определённой в терминах половых различий сексуальностью, настолько в обществе начинают признавать за полисексуальной ориентацией новую чувственность (уклоняющуюся от прежних норм пола)⁴. Господин-монстр, ориентирован на особое потребление — на экономику роскоши; в то время как Ж. — на частные общедоступные и массовые экономики потребления. Женское — капиталистично, Ж. — самый лучший потребитель; мужское — социалистично, М. желает равенства и справедливости; и только Господин-монстр — весь в имперских фантазиях и заботах, его мировидение феодально, он — геополитик, он видит мир как на ладони...

Итак, к середине 90-х годов сформировалась фигура нового Господина-монстра, победителя мужского и женского начал, пренебрегающего разделением полов, величайшего Гермафродита (если следовать традиционному типу, известному как идеал человеческого, начиная с Платона вплоть до немецких романтиков). Сексуальность и эрос стали размерной монетой зрелой воли к власти. Прежде всего, он смог отбросить мужское начало (в том числе и своё собственное), и сделать слугой своего соперника-врага, превратить женское в часть своей природы, но не дать ему первенства, и подавить его. Вот оно равновесие полов, и удержать его может только Господин-монстр.

Идеальный слуга

8. Прекрасные образцы гегелевской мысли: 4-ая глава из «Феноменологии духа»: сцена *слуги* и *господина*. Слуге важно не столько занять место господина, сколько освободиться от него вообще, или точнее, каждый слуга может стать господином, но никто больше не должен быть слугой. Вот абрис будущего свободного общества, состоящего исключительно из господ, т. е. *свободных личностей*. Такова гегелевская идея. В случае диктатуры на первый план выдвигаются фигуры из переходных сословий, ничем не примечательные и даже странные: так слуга в одночасье и по чьему-то произволу становится господином, не переставая

⁴ Конечно древние практики шаманизма прекрасно знали этот «сверхчеловеческий» опыт обладания высшей властью и знанием. Ср.: «Сибирский шаман иногда объединяет в себе символически оба пола: его костюм украшен женскими символами, а в некоторых случаях шаман пытается имитировать поведение женщин. Но известны примеры шаманизма, в которых двуполость засвидетельствована ритуально, то есть конкретно: шаман ведёт себя как женщина, одевается в женскую одежду, иногда даже берет себе мужа. Эта ритуальная двуполость — или бесполость — призвана служить одновременно знаком духовности, общения с богами и духами — и источником сакрального могущества. Ибо шаман соединяет в себе два полярно противоположных принципа; а поскольку его собственная персона представляет иерогамию, священный брак между богами, то тем самым он символически восстанавливает единство Неба и Земли, а значит, обеспечивает связь между Богами и людьми. Эта двуполость переживается ритуально и экстатически; она допускается как необходимое условие выхода за пределы профанного существования» [Элиаде 1998: 182–184].

быть слугой, поскольку он не отменил господина, а просто стал им. Тиран и диктаторы — это в основном бывшие слуги, выходцы из низших слоёв. Этого не учёл боговдохновенный диалектик Гегель. В сословном обществе, где вертикальная мобильность затруднена, часто складывается особая этика слуги, отличающаяся благородством служения, сравнимым с отвагой и славой непобедимого господина⁵. Чтобы стать господином, нужно было бы пройти путь общественного признания и борьбы, по сути дела оказаться отчасти народным героем-избавителем (на первых порах это получалось у Горбачева, позднее и «отчасти» у Ельцина). Стать же господином, не перестав быть слугой, это и есть, пожалуй, точная констатация ситуации современного выбора. Именно потому, что политик на ранних стадиях вживания в образ господина не имел никакого навыка в понимании того, что есть режим «личной власти». Потребовались годы для того, чтобы обрести уверенность и некоторую политическую идентичность, опирающуюся на особенности совершенных ошибок и просчётов. Я бы не назвал это идентичностью Господина, а всё-таки идентичностью Слуги, — служение чему-то, что постоянно угрожает твоей идентичности; то, что ты не понимаешь, и чем ты не знаешь, как правильно пользоваться — а это и есть сама Власть. Отношение правителя к самому себе как господину вытесняет обратную связь с обществом. Этому способствует, возможно, «сильная» зависимость правящего лица от всех тех, кто составляют его группу или клан, его новую и влиятельную, невероятно разросшуюся и разбогатевшую клиентуру. В таком случае коррумпирование внутренних связей группы необходимо для создания эффекта её сплочённости и несменяемости её членов, для поддержания идентичности Господина, т. е. режима личной власти. Слуга в данном случае — это тайная и подлинная жизнь Господина.

Эрос и кратос. Гротеск как политика

9. Великими исследователями новейших форм тирании — А. Лосевым, С. Эйзенштейном, М. Бахтиным — было установлено, что тираническая власть несёт с собой избыток в средствах и условиях господства над другими. Тиран или авторитарный Господин-монстр не отделяет своё (иногда законное) право управлять другими от наслаждения властью. Вот что соблазняет любую человеческую личность, вдруг оказавшуюся на вершине, и не готовую к тому, чтобы адекватно оценить все последствия её присвоения. Когда влечение к власти неотличимо от влечения к Эросу, именно тогда власть выходит за свои границы и превращается в некую повседневную оргию, венценосный Тиран нарушает все человеческие запреты ради наслаждения тем, чем он обладает целиком, и что разделить с кем-либо невозможно. А. Арто пишет большое исследование «Гелиогабал или коронованный анархист», объясняющее феномен абсолютной власти римских цезарей и их безумие: он приходит к выводам, которые позднее формулирует А. Лосев: *там, где власть, становится чьей-то собственностью, она требует инцеста и преступления* [Лосев 1979: 66–69]. Э. Фромм видит в Гитлере особый случай патологии власти («некрофилии»), который нельзя объяснить только особенностями детских травм [Фромм 1992: 82–83]. Абсолютная власть у М. Бахтина толкуется через гротеск, — снижающе-смеховое разоблачение власти, опрокидывание властной пирамиды на римских карнавалах и парижских «праздниках осла», унижение и переворачивание всех масок господства. Тиран Сталин был оскорблен манерой С. Эйзенштейна представлять образ русского самодержца в виде набора чрезмерных по выразительности «гримас», «жестов», «оскорбительных снижений и профанаций» (третья серия «Ивана Грозного») ⁶.

⁵ Таким мы видим слугу в блистательном исполнении Энтони Хопкинса из фильма «На исходе дня». На фоне разрушающегося мира господ стойкость проявляют только слуги. Вот кто поддерживает остатки порядка в распадающемся мире. Господин без слуги даже не знает, как быть господином, и только слуга, прекрасно понимающий устройство мира, оказывается подлинным мудрецом и держателем великой аристократической этики. Как только уходит последний слуга, мир распадается, и господин гибнет.

10. Для Фуко *гротескность* власти определяется её *гротескностью*, и это не тавтология (не «логическая ошибка»). Принимая «последние» решения, причём, «за всех» и «ради всех», единоличная власть начинает выглядеть смешной, недостойной, низкой, лживой, преступной, жадной, надменной, безответственной и проч. Гротескность — это, если угодно, синергетическое качество власти, её саморазоблачение и её сущность. Как только субъект власти (Первое лицо) авторизуется и власть становится личной, т. е. присваивается им, так тут же вспыхивает вся её характерная скрытая ранее *гротескность* — неспособность правителя представить себя в ореоле чего-то неприкосновенного, высшего, Богом данного своему народу... Отсюда смех Бахтина, злорадство и критический пыл Лосева, радость разрушения и «жестокости» Арто, издевательская карикатурность образов Эйзенштейна.

Вопрос Фуко: может ли бесчестие правителя стать предметом большой теории? И другой вопрос, который может последовать за этим: есть ли нравственные ограничители для самой власти, что-то вроде нестираемого кода поведения? Может ли власть избежать той автономии, самодостаточности, той изоляции от общества, которой она постоянно добивается (особенно, в авторитарных режимах), и которая прямо ведёт к Преступлению? Другими глазами, *гротескность* является важнейшим показателем вырождения класса властвующих правителей, именно она указывает на монструозность власти, на её преступную природу [Фуко 2004: 88].

Тирания логоса и приапизм (А. Лосев)

11. В русской философской культуре конца 19 и начала 20 века сохранялся сильный интерес к исследованию платоновского Эроса. Стоит упомянуть об открытом фаллическом культе В.В. Розанова и «уклончивом, неясном» у П. Флоренского; работы Н. Бердяева, Мережковского, Б. Вышеславцева [Бердяев 1989; Вышеславцев 1994]. В известных своих трудах Лосев с каким-то невероятным воодушевлением рассматривает каждую историческую эпоху с точки зрения соотношения платоновского Эроса и тиранической власти (по сути дела отождествляя их). Произведения, в которых затрагивается тема, которую можно определить как *политический приапизм*: «Очерки античного символизма и мифологии» (1929), «Эстетика Возрождения» (1978), «Римская эстетика» (1979). Вот, весьма впечатляющие заметки Лосева по поводу платоновской философии эроса, сделанные им в разное время. Например: «*Фаллос и есть*, по моему ощущению, *основная интуиция платонизма*, его первичный пра-миф. Не свет просто, не освещённое тело просто, но именно фаллос, напряжённый мужской член со всей резкостью своих очертаний. Кроме того, поскольку основным ядром в платоновской идее является именно эйдос, то речь может идти только о мужском поле. И не фаллос в своих

⁶ В фильмах о тиранах и императорах А. Сокурова («Молох», «Телец», «Солнце» и вот теперь «Фауст») насилие и сама власть получает некий абсолютно сакральный смысл, не сам, естественно, человек желающий власти и её добивающийся. Только впоследствии когда он полностью погружается в это плотное светящееся облако-нимб высшей власти, он перестаёт быть человеком. Иногда даже для себя самого — теперь он некое Третье лицо, некий всемогущий Он. Так (Коба) Сталин отделял себя от СТАЛИНА — ОТЦА ВСЕХ НАРОДОВ. Но как только власть отступает немного в сторону, чтобы явить нам быт и человеческие страсти тирана, тот становится по-человечески жалок и ничтожен. Всё в нём разрушенная плоть и тлен. Гитлер в «Молохе» ничтожная личность, Ленин в «Тельце» такой же... Мораль, которую легко извлечь из наблюдений Сокурова, без харизмы нет тирана, но харизма не идёт от качеств личности того или иного правителя, а только и исключительно от власти, которую желают, о том, что это за власть, как она устроена, имеет ли ограничения, меры ответственности, внутреннюю этику и подобные механизмы, которые в здоровом обществе делают всякую тиранию не эффективной (да и не нужной). Иное мы видим в работах фильмов А. Германа. Там власть настоящий господин-монстр, жестокий и беспощадный, ничем неограниченная власть тирана утверждает себя через Преступление. Как это ни парадоксально, но именно легитимацией тиранической власти и будет brutally эстетский образ Преступления. Сталин-цезарь в римском убранстве как образец эстетики чистого произвола. Сталин и Гитлер были для своего времени такими же господами-монстрами, как Иван Грозный и Петр I для своего (но в то время их монструозность, их чудовищность как правителей была сглажена грубостью и дикостью общественных нравов).

функциях реального оплодотворения и деторождения, — нет, далеко не это есть платонический пра-миф. Нет, это, может быть, какой-нибудь иудейский (или ещё иной) пра-миф. А платонизм строится не на этом. *Платонизм строится на непорождающемся фаллосе, на фаллосе без женщины, на однополой и безличностной любви*» [Лосев 1993: 661]. Этот вывод получает развитие в следующем пассаже:

«Этот миф — живой фаллос в развитом виде, Эрос — с чертами, обрисованными нами во всём предыдущем изложении в смысле общечеловеческом, национально-греческом, историческо-хронологическом и классовом. Это — блудный бес, вкрадывающийся незаметно в душу, тонко и дальновидно соблазняющий её лъстивыми обещаниями, увёртливый, обворожающий. Он — то скользящий, порхающий, едва уловимый, то предстоящий во всём своем истуканном величии, холодный, белый дьявол, какая-то активная пустота и марево, мраморное ничто. По видимости это — сила, мощь, красота, побеждающее величие, могучий ум и добродетель; по существу же — стоит только тщательнее всмотреться в этот древний лик — какое-то просто наваждение, привидение, бред, мечтание и суета. Статуя всегда такова; спереди — жизнь, человек, душа, бог (хотя и с самого начала уже странно-вата вся эта мраморная холодность и безжизненность), а по существу это — камень, металл, деревяшка. И привидение, бесовщина всегда такова: спереди — сила, шум, всемогущество, всезнание и всеобладание, чарующая красота и обворожительная ласка, а по существу — бездушный прах, галлюцинация в результате душевного растления, проекция вовне нашей собственной слабости и слепоты. Этим безличным, безличностным холодом эротического наваждения и привидения означена и вся платоновская Идея. Она мраморное и холодное ничто, прекрасная любовная галлюцинация, непорождающий фаллос, гипнотизирующая резкость очертаний блудливого тела, антисоциальный экстаз головной диалектики, бесовская «прелесть» и разгорячение, увёртливый и похотливый оборотень» [Там же: 679–680].

Подобные откровенные видения мирового блуда, извращений, похоти должно привести в смущение любого читающего эти строки, — настолько сильна страсть молодого Лосева к отрицанию фаллократических бесчинств античного Эроса (что приоткрывает немного его оскорбленное «прельщением» сознание инока). Радикальная деэротизация опыта мысли, которой, начиная с ранних работ, придерживается Лосев, стала затем нормой поведения для православного мыслителя⁷. Нет ничего заведомо «странного» и даже шокирующего в этой фаллократизированной картине бытия тиранической власти. Такая власть проявляет себя через захват и постройку *идеального тела*, оно-то и будет этой пустой формой, куда она направляет свою либидинозную энергию, где разыгрывается террор платоновского Эроса. Общая схема такова: платоновское тоталитарное государство (а следовательно, и сам платонизм) выражает себя от эпохи к эпохе в определённом фаллократическом культе, причём, объекты сексуального насилия могут меняться, получать всё более полиморфные черты, только сексуаль-

⁷ Или вот более поздние разоблачения западной религиозности: «Стиль же римского цезаризма есть не что иное, как обыкновенная, безличная античная скульптура, только проведённая здесь в социальной области. Отождествление и взаиморастворение идеи и материи, образуя собою, как мы видели не раз, стихийное бытие, в данном случае стихийную социальность, обязательно приводит к абсолютизму страстей, пороков и преступлений. Наслаждение от чужого страдания, кровавое сладострастие и садизм мучителя-убийцы, педераста и кровосмесителя — это в конце концов только вид эстетики, хотя при изображении такой эстетики обычно даже самые отъявленные нигилисты превращаются в ханжей и моралистов» [Лосев 1979: 69]. В книге «Эстетика Возрождения» этот тон разоблачения сохраняется Лосевым; он составляет пространные списки прегрешений, извращений, жутких преступлений, которые совершали все более или менее известные персонажи той эпохи. И всё, что происходило тогда, происходило на фоне массового злоупотребления властью, словно это была эпидемия насилия. Замечу только, что Лосев пользуется разного рода сведениями, «историями» и анекдотами, которые-то и составляют его приём снижения образа тиранического вплоть до гротеска.

ное насилие остаётся неизменным. Повсюду идеальное платоновское тело — скульптура, холодная и безжизненная, застывшая, ставшая лучшим и высшим человеком⁸.

С. Эйзенштейн — порнограф тирании (Отцов)

12. Исследуя рисунки С. Эйзенштейна, приходишь к выводу, что они представляют собой даже не сатиру или карикатуры, тем более не дружеские шаржи, это скорее образы чистого гротеска, настолько гиперболика жеста наслаждения, переходящая в линию рисунка, выражена с таким отчаянным отрицанием образа⁹. Сила Эйзенштейна-рисовальщика — в постановочной, типично экспрессионистской инсценировке желания. Этот изначальный эротизм комического смягчает сцены гротескного насилия в «Иване Грозном». Иногда кажется, что его рисунки можно назвать и порнографическими [Eisenstein 1993]. На самом деле они остаются эротическими, — гротескная пластика рисуночных персонажей, их поз, извивов тел, рук, ног не дают в этом усомниться. Порно эффект подавляется, точнее, компенсируется гротеском, местами он пугает, даже «ужасает» своей комичностью. Так и ругательства, которыми злоупотребляет Эйзенштейн в быту и «рабочей обстановке» вполне к месту, они как его рисунки, исследующие возможности коитуса во всём разнообразии приёмов, — всё даётся в фокусе, всё окрашивается грубой эротикой, насыщается сильной эмоцией и страстью, — всё устремлено к насилию¹⁰. Двойное видение и возвеличивание фаллического могущества и его одновременного снижения в рисуночном пробеге. Главная идея: подобное гротескное видение тирании — это атака на её очевидный *фаллократизм*, на те образы насилия, которые таким, «чисто половым» способом утверждаются. Так, например, Эйзенштейн не чувствует лица как такового: ему интересен или *тип-маска*, т. е. полная обезличенность лицевого образа, или крайняя степень физиогномической выразительности — *гримаса* (причём, гримаса — это всегда изменчивая линия рисунка, выхватывающая отдельные черты характера в напряжении и даже в саморазрушении). Гримаса — это и есть гротескный образ желания, желания, которого достигают насилием...

Император Гелиогабал как повстанец и хулиган

13. Вероятно, только Антонен Арто смог с подобной силой выразительности поставить вопрос о театральности абсолютной власти. Насколько подобная власть, неотличимая от при-

⁸ Мне кажется, что Лосев раннего периода не совсем отдавал себе отчёт, как должно строиться объективное исследование платонизма. Его опытная религиозная установка на православную аскезу сокрушалась в постоянном чтении древнегреческих источников (по сути дела откровенно языческих, и даже антихристианских). Вероятно, подобная откровенная манера философствования должна была ещё и быть отрицанием верховной идеи платонизма, — эйдоса как превращённого символа фаллократического культа. Но с другой стороны Лосев — активный теоретик платонизированного стиля философствования (вспомним о его многотомных трудах по античной эстетике). Это трудно примирить.

⁹ Как будто энергия не канализуется органически точными путями, а через инфляцию или смещение эротического, как ни странно, приводит к импотенции. Поиск (утраченного) фаллоса может быть крайне близок Лосеву и Эйзенштейну. В психоаналитической литературе эта тема обозначается как инфляция сексуальности, отсюда возникает фиксация на фаллических образах и приапизме [Уайли 1996: 115].

¹⁰ Почему часть так называемой советской интеллигенции, особенно, те, кто был прозван «попутчиками», активно использовали матерную лексику? Близость к народу часто обнаруживалось «правильным» матерным оборотом, упрощением и доходчивостью сказанного. Вероятно, это особенно было трудно для Э., поскольку он всегда был пай-мальчиком, и был лишён той важной и характерной черты советско-сталинской народности — умения правильно (естественно) пользоваться матерными словами. Помню встречу Нового года в Доме кино (на улице Герцена), мне 19 лет и я случайно попадаю к праздничному столу, за которым собрались тогда очень известные люди искусства. Отмечался выход фильма «Свет далёкой звезды» — во главе стола кинорежиссёр Иван Пырьев, который что-то обсуждает с Э. Быстрицкой, причём, активно используя матерную лексику. Я был страшно смущён, между тем актриса непринуждённо поддерживала разговор, словно не замечая пырьевского говора. Впрочем, и все другие члены съёмочной группы внимали ходу беседы без какой-либо заметной реакции.

вычной тирании римских цезарей, оказывается средством для достижения невозможной, нечеловеческой полноты жизни, жизни-в-оргии, т. е. существование опыта власти в трансгрессии. И главное здесь, что власть абсолютная освобождается от какого-либо соблюдения законности и правил, ею же устанавливаемой. Абсолютная власть — это формула анархиста. Вот почему тот, кто пытается присвоить всю власть целиком, сразу же переходит в нелегитимные, незаконные маргинальные пространства общественной жизни, где бессмысленно спрашивать о способах её применения. Вот каков собирательный и ритуально обработанный образ Господина-монстра:

«Гелиогабал добрался до Рима только весной 218 года, после странного сексуального перехода через все Балканы и ослепительного разгула праздников на всём протяжении его странствий. Время от времени Гелиогабал пролетал во весь опор на своей колеснице, покрытой чехлом, а следом за ним в обозе следовал огромный десятитонный Фаллос, помещённый в монументальное сооружение, некое подобие клетки, сделанной, казалось, из костей кита или мамонта. Иногда Гелиогабал останавливался, показывая свои богатства, демонстрируя свою пышность и щедрость, а также устраивая странные парады перед тупым и перепуганным народом. Увлекаемый вперёд тремя сотнями быков, которых приводят в ярость, изводя сворами воющих цепных гиен, Фаллос на огромной низкой телеге, с колёсами, шириной равными бёдрам слона, пересекает европейскую часть Турции, Македонию, Грецию, Балканы и нынешнюю территорию Австрии со скоростью бегущей зебры. Затем, время от времени, начинает играть музыка. Все останавливаются. Снимают покровы. Фаллос, с помощью верёвок, поднимается на своем цоколе, устремляясь вверх. Появляется группа педерастов, затем актёры, танцовщицы и галлы, оскопленные и превращённые в мумии. Ибо существуют ещё и обряд покойников, и обряд сортировки, отбора членов — предметов, сделанных из мужских членов, растянутых и продублённых, с зачернёнными концами, словно палки, обожжённые на огне. Насажённые на концы палок, словно свечи на гвозди, словно острия на конец пики; подвешенные, как колокольчики, на загнутые золотые дужки; наколотые на огромные доски, словно гвозди на щит, — эти члены кружатся среди огня в танце галлов, и люди, поднявшиеся на ходули, заставляют их танцевать, словно они живые существа. И всегда в момент пароксизма, иступления, когда хриплые голоса доходят до женского контральто, выступает Гелиогабал, на лобке которого красуется нечто вроде металлического паука с лапками, вонзающимися ему в кожу, из-за чего при каждом резком движении на его бёдрах, напудренных шафраном, выступает кровь. Его член, смоченный золотом, покрытый золотом, незыблемый, твёрдый, бесполезный, безопасный. Гелиогабал появляется в своей золотой тиаре и мантии, перегруженной драгоценными камнями и сверкающей огнём» [Арто 2006: 104–105].

Арто восхищён этим разгулом римской императорской власти, никакая традиция и порядок не могут быть препятствием для тех потоков разрушения, которыми иногда с дикой страстью, иногда небрежно управляет Гелиогабал: потоки крови, спермы, дерьма, нового духа неповиновения и бунта. Власть высвобождается для самой себя, она получает ничем неограниченное поле для эксперимента над собой, и, в конечном итоге, приходит к самоотрицанию. Это уже не высшая власть, а анти-власть, это восстание власти против самой себя и её полное и безоговорочное поражение. Это театр жестокости в понимании Арто, причём, один из наиболее удавшихся.

Тело-гротеск. М. Бахтин и возрожденческая теория страха

14. Что с самого начала удивляет в великом труде М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», так это анализ отношений *страха* и *смеха* в общекультурном аспекте (не только применительно к средневековой или возрожден-

ческой эпохам)¹¹. Постоянно указывается на то, что смех — не просто защита от разного рода страхов (смертного, греховного, «космического»), но и победа над тем, что не поддается никаким иным средствам опровержения и критики, — это постоянное присутствие страха и фобий в человеческой жизни. Средневековое народное сознание, вооружённое смехом, разрушает вертикальный мир эпохи, все эти церковные установления, правила и иерархии, она переворачивает силы, что господствуют над человеком, в свою пользу. Смеховой мир — мир перевёрнутый, лишенный опор и порядка. Главный объект карнавалльно-праздничного переворачивания — это власть клира и князей. Но как понимать смех, — широко или в достаточно узком культурном контексте? И как тогда ответить на вопрос: что такое страх? Для Бахтина, насколько я могу понять, смех — это психофизиологическое выражение того, что гротеск как пластическая форма снижения, может оказаться эффективной. Гротеск — причина, смех — следствие. Или не так? Или они совпадают? Смех для Бахтина по сути дела вовсе не *реакция-на-что-то*, а *субстанция* подлинно народной жизни; он обособляется и становится общим состоянием духовной свободы, которая легко поглощает даже «космический страх». Иначе говоря, смех не имеет отношения к страху, он сам по себе и более могущественен, чем любая форма религиозной серьёзности. Смех — это отбрасывание греха, это своего рода воинствующий атеизм телесного канона. Смех — это анти-страх.

«Смех безусловно был и внешней защитной формой. Он был легализован, он имел привилегии, он освобождал (в известной мере, конечно) от внешней цензуры, от внешних репрессий, от костра. Этот момент нельзя недооценивать. Но сводить к нему всё значение смеха совершенно недопустимо. Смех не внешняя, а существенная внутренняя форма, которую нельзя сменить на серьёзность, не уничтожив и не исказив самого содержания раскрытой смехом истины. Он освобождает не только от внешней цензуры, но прежде всего — от большого внутреннего цензора, от тысячелетиями воспитанного в человеке страха перед священным, перед авторитарным запретом, перед прошлым, перед властью».

«Особенно остро ощущал средневековый человек в смехе победу над страхом. И ощущалось она не только как победа над мистическим страхом („страхом Божиим“) и над страхом перед силами природы,— но прежде всего как победа над моральным страхом, сковывающим, угнетающим и замутняющим сознание человека: страхом перед всем освящённым и запретным („мана“ и „табу“), перед властью божеской и человеческой, перед авторитарными заповедями и запретами, перед смертью и загробными воздаяниями, перед адом, перед всем, что страшнее земли. Побеждая этот страх, смех прояснял сознание человека и раскрывал для него мир по-новому. Эта победа, правда, была только эфемерной, праздничной, за нею снова следовали будни страха и угнетения, но из этих праздничных просветов человеческого сознания складывалась другая неофициальная правда о мире и о человеке, которая подготавливала новое ренессансное самосознание» [Бахтин 1965: 101–103].

Итак, с одной стороны — страх, с другой — смех, и как будто между ними только одна граница, которая нарушается в противоположных направлениях. Так вот, на одной стороне, первой, мы размещаем серьёзность и обязательность средневекового телесного канона¹², а на

¹¹ Сегодня уже по прошествии столько времени (и зная все трудности овладения материалом эпохи Возрождения в то время, когда Бахтин только начинал работать над книгой) нельзя, конечно, придерживаться слишком «строгих» требований. Хотя стоит всё-таки отметить, что разведение смеха и страха (серьёзности) далеко не соответствует, как мы теперь знаем, реальному положению дел в то время. Во всяком случае, крупнейшие европейские историки не раз указывали, что не все выводы Бахтина исторически верны, что в его работе наличествует несколько предвзятая идейная позиция [Делюмо 2003: 165–167].

¹² В основе контролируемого клиром образа тела, по мнению Бахтина, «лежит индивидуальная и строго ограниченный масса тела, его массивный и глухой фасад. Глухая поверхность, равнина тела, приобретает ведущее

другой то, что этот канон разрушает, отрицая его необходимость и авторитет, — карнавально-гротескный образ человеческой плоти, свободно играющей со своими превращениями. Но это противопоставление следует уточнить. Смех сам по себе есть смех, нет гротескного смеха, мы смеёмся над чем-то необычным, невероятным, невозможным, т. е. мы смеёмся над тем, что выражено, и как? Гротескно. Значит — всегда чрезмерно, в гротескном образе дано отношение к пародируемому, разрушаемому, расширяемому объекту. И это разрушение его идёт настолько мощно и быстро, что мы видим в нём не только смех, но и страх. Если это смех, то это смех обличающее-разоблачающий, открывающий страх перед ним. Другими словами, в смеховых проявлениях главное — непреодоленный страх. Чрезмерная пластика телесного требуется для того, чтобы выразить страх перед очередным человеческим пороком. Посмеяться над ним, но и содрогнуться от ужаса (а вдруг всё это происходит на самом деле, *реально*). Трудно предположить, чтобы в гротеске смех смог бы отделиться от страха: часто мы смеёмся потому, что напуганы; но то, что пугает и страшит, иногда оборачивается в свою противоположность, во взрыв смеха.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что тело полное и завершённое, непроницаемое и закрытое, — это тело средневекового телесного канона. Но тело-гротеск — всегда незавершённое и становящееся, тело это не каноническое, скорее анархическое, расщеплённое, причём, на столько частей и фрагментов и органов, которые нельзя связать во что-то единое, оно открыто и сливается с великим телом Природы, утрачивая свои цивилизационные основы и нормы. Смех не анатомичен, он ничего не в силах расчленить, скорее он взрывает, он играет с излишествами, объёмами, размерами... Человеческое существование, запёртое в смертное тело, никак не согласуется с идеей бесконечной Божественной полноты. Отсюда пантеистическая идея совпадения человеческого со всем, что вне его; нет ничего Внутреннего, как нет ничего Внешнего, одно переходит в другое. Но это есть опыт чисто возрожденческой полноты бытия, новой обновлённой модели мира. В одной странной книге, на которую любил ссылаться Борхес, мы обнаруживаем позицию, весьма близкую идеям Бахтина. Автором вводится принцип *полноты бытия* (*plenitude*): «...Вселенная *plenum formarum* (преисполнена форм), в которых исчерпывающе представлено всё мыслимое множество разнообразия живущего», и добавим, всего мыслимого, и всего воображимого, что нет ничего, чтобы уже не было. Напомним о существовании *алхимического, астрологического* человека (вся техника сопряжения макро-и-микрокосма) [Лавджой 2001: 55].

Сакрализация власти

15. Традиционный тип отечественной власти никак не изменился. Это всё те же основные приёмы, которые когда-то были объявлены Достоевским: *тайна, чудо, авторитет*.

Попробуем прокомментировать:

- *тайна*. Тайна играет фундаментальную роль: это сфера осуществления властных полномочий и функций в реальном времени и месте. «Секретные письма», *lettre de cachet*, — одна из важнейших особенностей государственного принятия решений во Франции при Людовике XIV. *Lettres de cachet* — это произвол Короны¹³. По любому навету и подложному сви-

значение, как граница замкнутой и не сливающейся с другими телами и с миром индивидуальности» [Бахтин 2008: 317].

¹³ Ср.: «Французские короли отдавали свои приказания двояким образом: чрез письма тайные и явные. Эти последние были законодательные акты; они были обыкновенно запечатываемы большой государственной печатью рукою канцлера, который затем и препровождал их в парламент. Этот последний имел право поверять их и даже, при случае, делать в них поправки. Секретные письма были письма глухие, содержащие приказания короля, исполняемые без рассуждений; это были административные, письменные приказания, а не законодательные акты; они были подписываемы государственным секретарём и не подлежали контролю парламента. Секретное письмо — приказ административный, и король часто пользовался им как средством заставлять исполнять закон, а также и как средством мстить частным лицам» [Лабуле 1870: 362].

детельству, по клевете и доносу подданный мог повлиять на решение высшей власти. В России самодержавный произвол имел совершенно варварские и ничем не обузданные формы прямого действия (насилия). Значение указов и принимаемых законов, их тёмная изнанка остаётся частью игры в тайну властных полномочий [Фуко 2002: 260–261]. Если все действуют с точки зрения «здорового смысла», а очаг его мы находим в высшем должностном лице, то в таком случае мы имеем дело с идеальным дискурсом авторитарной власти. Причём, что интересно, власть полагает, что вместе с властью она получает право говорить от имени «общего чувства». Неучастие во всём, что может приоткрыть тайну, поставить под сомнение секретность решений, принимаемых по понятиям и на основании «здорового смысла». Сегодня эта секретность выглядит крайне наивной игрой, и, в сущности, построена на эффекте запугивания возможных противников.

- *чудо*. Власть, чья легитимность целиком связана с традициями и обычаями народной, той же властью изуродованной жизнью. Народ всегда воспринимал власть в контексте её сакрально-религиозного представления. И так было всегда, даже сегодня делаются попытки такого рода. Казалось бы, на первый взгляд произошло очевидное расколдование власти (термин М. Вебера), и она потеряла свои свойства чудогенной, чудо производящей власти. Вера в чудо постепенно утрачивалась и расплывалась по разным сословиям, классам и прослойкам. Власть сегодня бессильна («ничего не может»), поскольку она не в силах поддержать традицию произведения чуда в традиционном исполнении. Сегодня чудо — это исправление несправедливости, лжи, равных условий, и ничего сверх этого. Заблуждение касается только самой власти, которая пытается поддержать в себе иллюзию собственной чудогенности. Однако, начиная с первого перестроечного периода и вплоть до сегодняшнего дня чудодейственность власти резко упала, основной потребитель чудес — так называемое «постсоветское сознание» — впало в апатию и отчаяние. Итак, чудо устранено; гражданское общество по мере формирования на наших глазах, больше не надеется на чудо, точнее, оно в нём не нуждается.

- *авторитет*. Не существует никакой этики или нравственного кодекса для людей, которые исполняют властные функции по определению (и не должно существовать), они замечаются тем, что М. Вебер называл харизмой. Современный политик — не помазанник божий и не герой (хотя героем, как я уже говорил, он может стать), тем не менее, нельзя сказать, что лицо облечённое властью сегодня лишено сакральности. Что, собственно, представляет собой *харизма*? Это не *бренд*, а условие перевода личных качеств правителя в политическую капитализацию (шире, — усиление антропологических качеств самой власти). То, что власти предаётся сакральный характер группой, захватившей власть, вовсе не делает её легитимной в глазах гражданского общества. Однако, легитимация власти очередного правителя посредством сакрализации — древнейший приём. Поведение первого лица как раз и показывает, насколько он уверен в том, что власть сама по себе сакральна, и что легитимация принятых решений исходит из его положения как первого лица, а не их истинности или ложности, приняты ли они обществом! Нехватка личной харизмы зависит от ранга политика (или чиновника). Не власть легитимируется, а имение власти, т. е. есть легитимация правящего лица. Должность — вот что харизматично и сексуально! [Блох 1998; Живов 1987; Успенский 1998; Элиас 2002; Marin 1981] Недостаточная легитимация политического авторитета отражается в психологических нарушениях, от которых политик страдает, что ведёт его к недооценке других, потере веры в собственные силы, нигилизму, и даже к меланхолии (болезни тиранов)¹⁴.

Арто А. 2006. *Гелиогабал*. — М.: Митин журнал, Kolonna Publications.

Бахтин М.М. 2008. *Собрание сочинений. Том 4 /1*. — М.: Языки славянских культур.

¹⁴ Из всех древних качеств власти можно выбрать главное: это кудос, «дар превосходства, который проявляется как победа магической сущности, как постоянное преимущество...» [Бенвенист 1970: 283].

Бахтин М.М. 1965. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. — М.: «Художественная литература».

Бенвенист Э. 1970. *Словарь индоевропейских социальных терминов. I Хозяйство, семья, общество. II Власть, право. Религия*. — М.: Прогресс.

Бердяев Н. 1989. *Эрос и Личность. Философия пола и любви*. — М.: «Прометей».

Блок М. 1998. *Короли-чудотворцы. Очерк представления о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и в Англии*. — М.: «Языки русской культуры».

Вышеславцев Б.П. 1994. *Этика преобразённого эроса*. — М.: «Республика»

Делюмо Ж. 2003. *Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII века)*. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Живов В.М. 1987. *Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в Россию*. — М.: Языки культуры и проблемы переводимости. «Наука».

Кракауэр Э. 1977. *Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера*. — М.: Искусство.

Лабуле Э. 1870. *Французская администрация и законодательство*. — СПб: Н.И. Ламанский.

Лавджой А. 2001. *Великая цепь бытия. История идеи*. — М.: «Дом интеллектуальной книги».

Ломброзо Ч. 2005. *Преступный человек*. — М.: Эксмо-МИДГАРД.

Лосев А.Ф. 1993. *Очерки античного символизма и мифологии*. — М.: Мысль.

Лосев А.Ф. 1979. *Эллинистическая римская эстетика. I–II вв. н.э.* — М.: Издательство Московского университета.

Уайли Дж. 1996. *В поисках фаллоса. Приап и инфляция мужского*. — СПб: Б.С.К.

Успенский Б.А. 1998. *Царь и патриарх. Харизма власти в России. (Византийская модель и её русское переосмысление)*. — М.: Языки русской культуры.

Фромм Э. 1992. *Адольф Гитлер — клинический случай некрофилии*. — М.: «Высшая школа».

Фуко М. 2002. *Жизнь бесславных людей. — Интеллектуалы и власть*. — М.: Практика.

Фуко М. 2004. *Ненормальные (курс 1974/75 гг.)*. — СПб: Наука.

Элиаде М. 1998. *Мефистофель и андрогин*. — М.: Алетейя.

Элиас Н. 2002. *Придворное общество*. — М.: Языки славянской культуры.

Eisenstein S.M. 1999. *Dessins secrets*. — Paris: Editions du Seuil.

Marin L. 1981. *Le Portrait du Roi*. — Paris: Editions de Minuit.